

Анаморфизм

Автор: Administrator

29.11.2010 08:08 - Обновлено 04.12.2010 14:50

В числе излюбленных приемов – особенно в работах 30-х гг. – анаморфизм: отражения лебедей превращаются в фигуры слонов, мужская голова – в женскую фигуру, фигуры в пышных одеждах – в бюст Вольтера и т.п. Его занимает решение таких оптических задач, когда при смещении угла зрения предметы, находящиеся в глубине перспективы, вдруг трансформируются и оказываются на переднем плане. В картине Рынок рабов с явлением невидимого бюста Вольтера (1940) фигуры на заднем плане превращаются в бюст Вольтера, который соединяется с пустовавшей на столе на переднем плане подставкой.

Есть сюжеты, проходящие едва ли не через все его творчество, другие надолго овладевают его воображением и в течение какого-то времени на разные лады варьируются в его работах. Наваждением может стать Ленин (Частичная галлюцинация. Шесть явлений Ленина на рояле, 1931; Загадка Вильгельма Телля 1933), носорог (Носорогическая статуя Фидия, 1954; Юная девственница, содомизирующая себя собственной непорочностью, 1954; Параноико-критический вариант «Кружевницы» Вермейера Дельфтского, 1955 и многие другие).

Предметом бесчисленных вариаций может быть такой шедевр мирового искусства, как Менины Веласкеса, работы Рафаэля, Микеланджело и особенно часто Анжелюс Франсуа Милле. Вне всякой конкуренции по значению и повторяемости – образ Гала, пронизывающий все творчество Дали от так называемого Первого портрета Гала (1931) и бесчисленных вариаций на тему Гала-Мадонны до стереоскопической работы Христос Гала (1979), состоящей из двух картин 100 на 100 см каждая.

Гала для Дали не модель, это доминанта его творчества, моделирующая самого художника. С ее смертью в июне 1982 «исчезает экстравагантный сюрреалист Дали». По свидетельству его друзей и биографов Р. и Н. Дешарн, «он превращается в больного гения, смирившегося и доверчивого». Среди работ, созданных Дали за несколько недель до ее смерти, – Три славные загадки Гала (1982).

Гениальность С.Дали

Дали, очень рано усвоивший профессиональные навыки, овладевший рисунком и секретами академической живописи, а также прошедший школу кубизма, для того чтобы оказаться на уровне своего времени, должен был двигаться дальше, т.к. героическая пора кубизма была позади, а совершенствуясь в классическом мастерстве, он мог рассчитывать только на роль заурядного провинциального художника. При этом необходимо отметить, что уже его юношеские работы: морские пейзажи – Лодка Эль-Сона, Парусник, Пейзаж Кадакеса, портреты крестьянок – Лусия, Гортензия, натюрморты и другие работы 1918–1921 – свидетельствуют о том, что Дали, развивая это направление, мог бы войти в испанскую живопись как интересный художник...

И все же сказать «в историю живописи» было бы преувеличением. Если бы Дали в эпоху бурных перемен остался на уровне «классики» – одним из многочисленных реалистов с красивым фовистско-импрессионистическим уклоном или даже местным представителем увядающего провинциального кубизма, сегодня мы бы ничего не знали о нем. Точно так же он потерялся бы в истории, если бы по примеру своего кумира Веласкеса стал портретистом, т.к. его портреты далеко не самое удачное в его творчестве. Их скрупулезная «академическая» выписанность не заменяет глубокой психологической характеристики, свойственной большому классическому искусству.

Безусловная гениальность Дали была в том, что он выбрал оптимальный путь для реализации своего скромного живописного дара и удовлетворения более чем нескромного честолюбия. Тому на редкость удачно соответствовали сюрреалистическая теория, с которой Дали, очевидно, познакомился раньше, чем появились его первые сюрреалистические «параноидальные» картины (Мед слаще крови, 1926, Прах, 1927 и др.). Этим работам предшествуют вариации на тему Венера и моряк (1925), Летящая женщина (1926) и Портрет девушки в пейзаже (Кадакес) того же времени – отмеченные влиянием Пикассо, а также Фигура у окна (1925), Женщина перед скалами Пенья-Сегат (1926) – имитирующие манеру «метафизической» живописи Де Кирико. В этих работах есть все, что делает живопись состоявшейся; все, кроме самостоятельности. Их вторичность очевидна.